S.M. Frolova
The Institutional Approach in Daily Life Research

Daily life is considered from the viewpoint of the institutional approach. The reasons for the formation of institutional attitudes in the society and the influence of daily life on their development are analyzed.

Key words and word-combinations: daily life, institutionalization, daily being, institutionality of the society.

Повседневность рассматривается с позиции институционального подхода. Проанализированы причины формирования институциональных установок в обществе и влияние повседневности на их развитие.

Ключевые слова и словосочетания: повседневность, институционализация, повседневное бытие, институциональность общества.

УДК 60.02
ББК 1:316

С.М. Фролова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Институциональный подход сегодня широко применяется в различных областях гуманитарного знания, поскольку при исследовании он помогает «выявить устойчивые микро- и макроструктуры социальных взаимодействий – от социальных практик до базовых институтов» [1]. В рамках повседневности он применим к «микроуровневому» исследованию с опорой на локальные установки общества. Ведь повседневная деятельность индивида никогда не обличена в форму проектов и программ социального преобразования; она, опираясь на мелкие детали быта и тонкости образа жизни, просто включена в жизненный мир субъекта и обусловлена необходимым набором норм, регулирующих его обыденную деятельность, поэтому сосредоточение внимания на повседневном нормировании поступков малых групп поможет в исследовании процессов институционализации общества в целом.

Институциональный подход позволяет рассматривать институты в контексте повседневного бытия как регулирующиеся и развивающиеся благодаря каждодневной деятельности человека, так как они образуют «не жесткий каркас, а гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия» [2, с. 113]. Это определяет возникновение новых институциональных форм, способствует упорядочиванию взаимоотношений в социуме и даже объясняет предсказуемость поведения индивидов. Формирование институционального

устройства социума, на наш взгляд, снижает неопределенность в повседневных взаимоотношениях между людьми посредством стабильной нормированности их действий. Иными словами, повседневность отражает не просто потребности человека, она вырабатывает определенный порядок совместного существования, впоследствии закрепляющийся в институтах, которые, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, являются «взаимной типизацией опривыченных действий»[3, с. 92] и ограничивают выбор поведенческих действий человека посредством внутренних «глубинных» регуляторов – норм, правил, стандартов, обычаев и привычек. Эти установки не имеют возможности выйти за границы «исторической обусловленности» формирования общества и крайне необходимы для взаимодействия индивидов в рамках повседневной деятельности. Именно поэтому немаловажной составляющей в изучении повседневности выступает процесс развития формальных норм через модернизацию неформальных, которые не только упорядочивают и нормируют взаимоотношения людей, но и облегчают понимание дальнейшего пути исторического развития.

Изменение института, регулирующего повседневную жизнедеятельность, невозможно без обращения к предшествующему сценарию как «исторической обусловленности» его развития, поскольку человеческий опыт (по Гуссерлю) состоит из осевших в схемах восприятий результатов прошлой деятельности сознания, образующих открытый горизонт будущего «опыта в возможности». Очевидно, что изменение повседневной деятельности человека непрерывно; оно зависит от исторического развития социума и «предшествующих траекторий» его генезиса, но «при всех исторических трансформациях повседневность все равно остается повседневностью – эмпирическим миром с повторяющимися отношениями» [4, с. 9]. Такие отношения можно отнести к типовым; они обусловлены каждодневными потребностями человека и неотделимы от его рутинной повседневной практики, поэтому выход за рамки установленных правил взаимоотношений часто не находит понимания и оценивается как девиация.

На наш взгляд, правила и нормы, выработанные в процессе повседневной жизнедеятельности, дают индивиду ощущение «онтологической безопасности» (Э. Гидденс), так как стандартизация и нормирование действий окружающих людей позволяют предопределять их поступки. Особенно это проявляется в современном мире, когда стираются этнические, культурные, национальные границы и поведение людей в глобализирующем мире (исключая терроризм) во многом становится все более предсказуемым. Значит, повседневность оказывает влияние на формирование устойчивых образцов социального взаимодействия индивидов, усиливая таким образом понимание собственной значимости и необходимости, убеждая в важности изучения ее институциональных сегментов.

Преобразования в социальном строе и возникновение норм исходят из необходимости антропологического бытия и потребности индивидов, создающих определенную «программу» своей деятельности, рутинизирующей (кодирующей) образ жизни целых поколений, обрастающей социально-правовыми смыслами. Следовательно, повседневность обретает значимость благодаря социальному опыту, а ее «сущностными признаками является прежде всего наличие

стабильных форм деятельности и образцов достижения стандартизированных целей в виде традиций, привычек, правил, которые не подвергаются сомнению» [5] в процессе каждодневной рутинности.

Еще в классической рациональности было определено, что чистое бытие – ничто и только через установку норм, регулирующих отношения между людьми, это бытие институализируется, обретает социальный характер, общие цели, и даже определяет образ жизни определенного сообщества. Вот почему бытие личности имеет «различное смысловое содержание в зависимости от теоретического обобщения освоенных индивидами видов социальных практик, социального опыта, установившихся норм коммуникативного общения» [6]. Так, образ жизни городского человека отличен от образа жизни сельского жителя, живущего в деревне миллиардера – от небогатого человека. Следовательно, *повседневная жизнедеятельность определена через бытие норм, а нормы устанавливаются благодаря повседневной рутинности и повторяемости или «бытийственности» событий и действий* [7, с. 113–120].

Нормативный уровень бытия индивида раскрывается через систему правил и социальных норм в повседневной жизнедеятельности человека, при этом не обязательна их письменная фиксация; главное – общее признание и понимание этих правил, определяющих повседневность, формирующих «трафарет», оттиск каждодневного социального действия, определяющих впоследствии основное направление нормативности бытия. Установленный таким образом порядок воспринимается как неоспоримая данность, как социально одобренный опытом образец каждодневного поведения, которому субъекты вынуждены подчиняться, обеспечивая тем самым общий порядок повседневного существования. Этот порядок, как правило, обусловлен географическими, климатическими, демографическими условиями бытия человека, которые Ф. Бродель назвал неизменяющимися «структурами повседневности», поскольку именно они определяют, стабилизируют и стандартизируют обыденную деятельность людей, а также способствуют «медленному накоплению» навыков, способов мышления, ведущих к структурному нормированию и преобразованию в отношениях между людьми, рынком, государством. При этом общим механизмом, побуждающим к выполнению определенных действий, служит осознание того, что по-другому быть не может. Следовательно, выживание человека основывается на подчинении установленному порядку, и прежде всего на понимании необходимости принятия норм, подразумевающих однообразие и предсказуемость поведения окружающих людей.

В этом контексте рассматривал проблему понимания В. Дильтей. Он считал, что понимание вырабатывается в процессе практической жизни и повседневного общения, а также порождено многообразием проявления жизни человека и внутренней связью, лежащей в основе этого многообразия. Понимание – это обнаружение жизненной связи [8, с. 135–152], причем, с нашей точки зрения связи единичного и целого, что отражает принцип всеединства, установленный русскими философами и определяющий целое как «множественность, сведенную к единству» (В. Соловьев). В данном случае этот принцип утверждает, что через соблюдение нормы одним лицом обеспечивается общий порядок.

Таким образом, *институционализация и повседневность – это взаимозависимые составляющие, где нормативные установки определяют и регулируют каждодневное поведение субъектов; повседневное бытие, в свою очередь, способствует выработке институциональных норм, основанных на прагматизме и всеобщем понимании их необходимости*. Следовательно, институциональная сторона повседневности структурирована человеческими интересами, отражает систему действий индивидов в реализации каждодневных потребностей, дает четкое понимание возможности их воплощения в стандартных ситуациях, минимизирует усилия по усвоению реальности и обеспечивает безопасность каждодневного бытия.

При возникновении непредвиденных ситуаций человек все равно тяготеет к установленным образцам деятельности, поскольку даже в хорошо обустроенном сообществе, согласно А. Шюцу, «отклонения от повседневности» управляются типичными способами улаживания экстраординарных ситуаций (например, тушение пожаров, защита от наводнений), что свидетельствует о рутинизации способов «оповседневливания» инноваций [9, с. 550–556], несмотря на неопределенность и непредвиденность обстоятельств. Следовательно, человек в любых ситуациях не отходит от знаний, опыта, нормированности действий, усвоенных в процессе повседневной жизни, и потому структурирует свое поведение согласно полученным прежде познаниям и нормам, которые в большей части стереотипны, автоматичны, машинальны, а главное – социально одобрены и смыслоконституируемы.

Если исходить из того, что институты (по Д. Норту) определяют систему побудительных мотивов человеческого взаимодействия, то не может вызывать сомнений, что смысловая направленность действий человека изначально была направлена на выживание в условиях суровой реальности, для чего люди вынуждены были объединяться в общины. Община как первичная форма социальной организации утверждала правила поведения ее членов в повседневной жизни, регулировала земледельческие работы, становясь таким образом на путь нормированного (институционального) упорядочивания жизнедеятельности людей, позволяющего выделить, согласно замечанию Гамильтона, «преобладающий и постоянный способ мышления или действия...», определивший привычные «формы и границы человеческой деятельности» [10, с. 84], в дальнейшем превратившиеся в обычаи.

Обычай как одна из ранних форм нормирования деятельности общества упрощал бытие человека и сохранял «порядок общественной жизни» через следование принятых в прошлом образцам стереотипного поведения. Обычай является «неофициально “узаконенной” властью массовой привычки» [11] нормой поведения, несущей в себе характерные особенности повседневной жизни определенного общества, которыми индивид (не всегда осознанно) руководствуется при совершении поступков, поскольку фундаментальной основой такого действия выступает уже сложившийся опыт, объединивший социально важные значения с общественной реальностью и поведенческими предпочтениями индивида в повседневном бытии. Изначально эти предпочтения имели добровольную основу, а затем были санкционированы властвующими структу-

рами и включены в систему правовых и нравственных норм. Следовательно, обычай следует рассматривать как массовый и долговременный творческий путь формирования норм повседневного бытия, поэтому, руководствуясь такими нормативными установками, как традиции и обряды, можно конструировать социальную реальность и «реальность повседневной жизни» (Бергер и Лукман) любого общества.

Несомненно, обычай как «механизм воспроизводства социальных институтов и норм» (Ю.А. Левада) ограничивает свободу действия, но одновременно он освобождает человека от постоянного выбора в решении каждодневных ситуаций, упрощает его бытие: ведь основная функция обычая заключена в обобщении социального опыта, стандартизации механизмов поведения. В современном обществе эта функция нарушается и проблемой становится не отсутствие свободы действия, основанного на необходимости следования нормам, предписываемых обычаями и традициями, а уход от стереотипов поведения в связи со стремительным видоизменением институциональных норм. Сегодня особенно ценным в поведении человека становится внутреннее субъективное обоснование и нормирование своих поступков, способность к принятию решений, не нарушающих всеобщий порядок, что обусловливает действие индивида в соответствии с «индивидуально ответственным Я» (Р. Коллинз). Этот процесс особенно хорошо прослеживается на примере института семьи.

На протяжении длительного времени семья создавалась согласно существующим установкам, по которым практически не учитывалось желание индивида по выбору спутника жизни; традиция и обычай строго предопределяли подчинение нормам общины или патриархальной семьи, где решающее слово оставалось за родителями. Но, даже вступив в брак, дети не обретали самостоятельности и целиком зависели от родительской власти. Семья (муж и жена) была неспособна самостоятельно определять или нормировать свою деятельность в рамках общины, поскольку «человек существовал для семьи, а не семья для человека» (И.П. Киреевский). Вероятно, был прав Э. Дюркгейм, использующий для характеристики традиционного общества метафору толпы.

Член патриархальной семьи даже мысли не мог допустить о собственной выгоде, так как «цельность семьи есть одна общая цель» [12, с. 284], сосредоточенная на выполнении обязанностей и норм, обусловленных экономическими и демографическими причинами выживания. Все это подразумевало безграничную ответственность перед родителями и беспрекословное подчинение установленным общиной нормам, регулирующим каждодневную деятельность индивидов. Даже с изменением отношения общества к семье самое трудное заключалось в преодолении социальной зависимости от прошлого, не допускающего в сознание индивида альтернативы существования нуклеарной семьи с заботой только о своей жене и своих детях, поскольку иерархические устои авторитарной семьи, установившие определенный «стиль жизни», руководствовались исключительно экономическими приоритетами и не могли этого допустить.

В современном обществе наблюдается, согласно точному замечанию П. и Б. Бергеров, «массированное смещение общей социальной позиции семьи…», где «барьеры между микромиром семьи и макромиром общества обозначены

резко и отчетливо». У семьи появились собственные поведенческие и деятельностные установки или «личная жизнь», в рамках которой «дети могли выращиваться в атмосфере, обособленной от… напряженного мира работы» [13, с. 109–111]. Это, вероятно, обусловило позитивные преобразования в нормировании каждодневной жизнедеятельности индивидов, основанной не на коллективных нормах, нивелирующих повседневное бытие, а на преобладании внутренних, субъективных предпочтений, не выходящих за рамки формальных установок общества и социальных практик. При этом важно подчеркнуть, что *нормативная среда была и остается принудительной, властной силой*, *интенсивно воздействующей на сознание индивида и определяющей его бытие*, поэтому модернизация институциональных установок, как правило, ведет к изменению повседневной жизни человека и, наоборот, повседневность может быть осознана только через институциональный порядок повседневного бытия.

Принудительная властная сила, возведенная в ранг закона, не может избежать насильственного внедрения механизмов регуляции, поскольку насилие оправдано необходимостью нормативной структурации общества, организующей выполнение норм регламентирующих, то есть не выходящих за установленные, поведение людей. В связи с этим утверждение М. Вебера о том, что внедрение институтов происходит насильственно и, как правило, этот процесс не может управляться одним индивидом, не лишено определенной значимости. Однако необходимо отметить, что благодаря навязанным ценностям и нормам была выработана система институциональных координат, направляющих общество по приемлемому и безопасному для него пути развития, предотвращающему отклонения в поведении субъекта. Последнее не всегда удается реализовать, так как основной причиной девиантного поведения выступает протест против институционального давления на личность и установления жестких поведенческих правил, регулирующих действия индивидов в процессе повседневной жизни.

Общество (государство), оберегая собственную безопасность и упорядоченность структур, вынуждено реагировать на такие девиации, или поведенческие вызовы, что оправдывает введение различных санкций, вплоть до изоляции от общества, за несовпадение действий граждан с общепринятыми нормами, тем самым четко определяя границу между нормой и аномалией человеческого поведения. Согласно Э. Дюркгейму, социальная патология, или девиация, крайне необходима людям, поскольку всеобщее осуждение поведения субъекта, выходящего за рамки общей моральной идентичности, способствует сплочению общества и установлению института наказания, посредством чего еще раз подтверждается его «моральный авторитет» [14]. Кроме того, по Мертону, девиацию можно рассматривать с точки зрения социальной структуры. Р. Мертон, не отходя от понимания девиации как формы «отрицания институциональной практики», делает вывод о том, что отклонения в поведении обусловлены стремлением к инновациям, а также желанием при помощи институционально запрещенных средств достичь «культурно-ценной цели». Мертон отмечает, что девиация не всегда приводит к «дисфункциональности» общепринятых ценностей и часто не связана с отступлением от установленного правопорядка. Чаще

она проявляется в выходе за рамки морально и социальноодобряемых действий и в дальнейшем «может иметь своим результатом как формирование новых институционализированных образцов поведения» [15, с. 306, 308], которые впоследствии общество примет за образец, так и привести к дисфункции и снижению устойчивости социальной структуры.

Таким образом, не все принятые нормы, институализирующие поведение индивида в повседневной жизни, являются приемлемыми для исполнения и могут выражать протест в форме девиации, имеющей двоякое значение: она может подвергнуть трансформации существующие нормы и одновременно способствует введению, развитию и апробации новых форм поведения (но только в том случае, если они отражают общее содержание интересов), что значительно расширяет нормативные границы повседневного бытия. По нашему мнению, повседневность в данном случае необходимо воспринимать как сложную самоинституциализирующуюся и саморегулирующуюся систему, обладающую особыми внутренними установками, «правилами игры» (Норт), которые оказывают позитивное воздействие как на повседневную деятельность человека, так и на формальные установки общества. В связи с этим можно предположить, что *повседневные практики оказывают на развитие институциональности общества и изменение сущности институтов большее влияние, нежели воздействие со стороны власти.* Для создания результативно действующего института недостаточно одного нормативного акта – его эффективность подкрепляют (кроме повседневной практики) мотивационные предпосылки, заинтересованность субъектов в каждодневном поддержании норм, а также смысловой контекст сферы интеракций, типов взаимодействий субъектов.

Итак, можно резюмировать, что роль повседневности (несмотря на скептическое отношение к ней) в институализации социума велика: она выступает связующим институциональным звеном, присущим любому обществу, объединяет отдельные элементы человеческого бытия в одно целое и отражает любые, даже незначительные изменения в ее нормировании. В связи с этим повседневность обнаруживает себя при любых условиях существования человека и независимо от исторической эпохи способствует формированию норм поведения, установок общественного бытия, не просто обеспечивающих каждодневное существование человека, но и регулирующих межличностные и социально-культурные отношения.

Библиографический список

1. *Кирдина С.Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: // http://www.kgau.ru/distance/resources/alex/bib/2002_7-12/Kirdina.doc

2. *Радаев В.В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV, № 3.

3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. URL: // http://biblioteka.kau.com.ua/index.php?option=com

4. *Давидович В.Е., Золотухина-Аболлина Е.В.* Повседневность и идеология // Философские науки. 2004. № 3.

5. *Дроздова А.В.* Трансформация повседневных практик человека: от текста к визуальному образу. URL: // http://www.teoria-practica.ru/-10-2012/culture/drozdova.pdf

6. *Рыбалка Е.А.* Пространственное бытие личности: социально-философский анализ: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2010. URL: // http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a209.php

7. *Фролова С.М.* Институциональные основы повседневности // Вестник ПАГС. 2012. № 4 (33). С. 113–120.

8. *Дильтей В.* Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1998. № 4.

9. *Шюц А.* Возвращающийся домой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.

10. *Hamilton W.* Institution // Encyclopedia of Social Sciences. New York, 1932. Vol. VIII.

11. Философская энциклопедия. URL: // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy

12. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // И.В. Киреевский. Критика и эстетика. М., 1979.

13. *Бергер П., Бергер Б.* Личностно-ориентированная социология. М., 2004.

14. *Durcheim E.* The Division of Labor in Society. New York, 1947.

15. *Мертон Э.* Связи теории социальной структуры и аномии // Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

T.I. Bugrova
The Transformation of the Principle of Determinism in Philosophy and Science

The principle of determinism in the philosophical and scientific knowledge, its development and transformation are considered. The comprehension of causality within the frameworks of postnonclassical paradigm is analyzed.

Key words and word-combinations: determinism, cause and effect, the system.

Рассматривается принцип детерминизма в философском и научном знании, его развитие и трансформация. Анализируется понимание каузальности в рамках постнеклассической парадигмы.

Ключевые слова и словосочетания: детерминизм, причина и следствие, система.

УДК 11/12
ББК 87.21

Т.И. Бугрова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПА ДЕТЕРМИНИЗМА В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Принцип детерминизма в философском и научном знании всегда занимал одну из определяющих позиций. В его основе лежит утверждение, согласно которому весь мир является упорядоченным целым, обладающим четкими связями, устойчивостью и единством. Бытие неизменно обусловлено причинно-следственными зависимостями, которые и позволяют, собственно, говорить о нем и делать определенные выводы. Причина всегда порождает следствие, и, соответственно, зная последнее, можно обнаружить и его истоки.

В современной науке само понимание детерминизма претерпело существенную трансформацию, что определяет необходи-